

ного должно включать такой признак, как совершение преступных актов террористической направленности. Организованная преступность как социальное явление приобретает черты тотального уголовного терроризма. Осознание этого обстоятельства позволит правоохрнительным органам и обществу в целом разработать и осуществить меры не популистские, а соответствующие, как говорят медики, “тяжести заболевания”.

Литература:

1. *Криміногенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. Звіт МВС.* — К., 1995.
2. *Мафию можно победить* // *Голос Украины.* — №39. — 2 марта 1993 г.
3. *Терроризм — новый вид войны* // *Голос Украины.* — №72. — 18 апреля 1996 г.
4. *Голос Украины.* — №141. — 1 августа 1995 г.
5. *Организованная преступность — 2* /Под ред. А. И. Долговой и С. В. Дьякова. - М.: Криминологическая ассоциация, 1993.—С.86.
6. *Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект.* —М.: Издательство БЕК, 1994. —С. 45.
7. *International Terrorism and World Security.* —1975.—Р. 35—38.
8. *Цит. по: Терроризм — новый вид войны* // *Голос Украины.* —18 апреля 1996 г.
9. *Терроризм: психологические корни и правовые оценки* // *Государство и право.* —1995. — №4. —С.20,29.
10. *Документы ООН.* —А/С.6/418
11. *Организованная преступность* —2. —С. 81.

ВИКТИМНОСТЬ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ

В. А. Туляков

*кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт ОГУ*

Виктимология сегодня — это развивающееся комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвы преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцы, социальные организации и пр.) и мерах помощи таким жертвам. В этой связи общетеоретическое виктимологическое исследование представляет собой процесс выработки системы новых научных зна-

ний о жертвах социально опасных проявлений, определения понятий, аксиом (постулатов, законов), разработки языка теории, формирования методологии и методики научного анализа на основании выявления и обобщения типовых закономерностей взаимодействия жертв и социально опасных проявлений, наблюдаемых и измеряемых теориями среднего уровня. Вместе с тем, современный научный аппарат виктимологии, встречающиеся операциональные или теоретические определения некоторых виктимологических понятий страдают определенными недостатками, вызванными, как правило, динамичностью развития и молодостью самой науки. Сказанное отчетливо проявляется при анализе центрального системообразующего понятия современной виктимологии - понятия виктимности.

Как писал Л.В. Франк, виктимология это: "... межотраслевая, научная, практическая и учебная дисциплина, изучающая виктимность во всех ее проявлениях в целях совершенствования борьбы с преступностью" [1]. И это очевидно, поскольку анализ виктимности и ее составляющих позволяет глубже понять феномен жертвы, разработать необходимые и социально обоснованные меры по виктимологической профилактике правонарушений. "Виктимность является специальным предметом в целях выяснения основного вопроса виктимологии, в силу каких причин и при наличии каких условий некоторые лица становятся жертвами преступлений, в то время как других эта опасность минует" [2].

В работах отечественных виктимологов, виктимность в наиболее обобщенном виде характеризуется как системное универсальное свойство организованной материи становиться жертвой преступления в определенных конкретно исторических условиях [3]. Однако такое традиционное определение криминальной виктимности, как способности стать жертвой преступления или иного социально опасного проявления, неспособности избежать опасности там, где она объективно предотвратима, как по логике своего построения, так и по основаниям, является категорией достаточно расплывчатой. Подобное положение может быть вполне объяснено множественностью жертв и различием механизмов детерминации виктимного поведения.

Методологически концептуальный анализ любого понятия предполагает: а) анатомирование, б) реконструкцию и в) конструирование понятий. Профессор Джованни Сартори считает, что в анатомирование входит вычленение составляющих элементов данного понятия, т.е. его характеристик, свойств. Под реконструкцией подразумевается перестановка и расположение этих элементов в упорядоченном и логически стройном виде. И наконец, конструирование понятий включает в себя выбор определения или определений на четких и ясных основаниях [4].

Подвергаясь логико-семантическому, сущностному анализу, виктимность может рассматриваться и как определенное функционально зависимое от преступности явление, и как образ действий определенного лица [5], и как индивидуальная (описывающая потенциальную возможность лица стать или становиться жертвой преступления), видовая (характеризующая жертв определенных групп преступлений), групповая (определя-

ющаяся ролевыми, социальными, демографическими, биофизическими качествами и характеристиками жертв преступлений), массовая (как наличие реальной или потенциальной возможности для определенной социальной группы становиться жертвой преступлений или злоупотребления властью) характерологическая и поведенческая особенность жертвы преступления [6].

Некоторые ученые выделяют два конститутивных типа виктимности - личностную (как объективно существующее у человека качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидуумов в силу образовавшихся у них совокупности психологических свойств становиться жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имелась реальная и очевидная для обыденного сознания возможность избежать этого) и ролевую (как объективно существующую в данных условиях жизнедеятельности характеристику некоторых социальных ролей, выражающуюся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли) [7]. Замечаемый "разнобой, существующий в понимании виктимности, и отсюда нечеткость предлагаемых разными авторами определений, - по мнению авторов Курса советской криминологии, - не позволяют на данном уровне знаний дать общее и четкое определение понятия виктимность" [8].

Действительно, содержание того, что в принципе в состоянии виктимизировать человека (общность) буквально безгранично, поскольку продуцируется разнообразностью ролей, мотивов, функций, принимаемых на себя индивидом во взаимодействии с социальной и природной средой. Отсюда эмпирический анализ бытия жертвы социально опасного проявления, описывая разнообразие современного мироустройства, практически воспроизводит частные модели и закономерности существования и взаимодействия природного и социального, вместо выделения глубинных, существенных признаков. "Можно предположить, что некоторые свойства личности, делающие ее виктимной, представляют собой: одни - неосознаваемые психические процессы; другие - психические аномалии; третьи - сознательное поставление себя в опасное состояние (неосмотрительность, распущенность, провокационность поступков и др.) Думается, что названные явления носят вторичный характер, а первичные требуют своего исследования," — справедливо отмечал В. В. Голина [9]. Только дополнение содержательного аспекта изучения виктимности его сущностными характеристиками, анализом этиологии и закономерностей возникновения и функционирования механизмов виктимной активности в содержательном, динамическом и сущностном, субъективном аспектах позволяет построить системную модель виктимного поведения, могущую служить ядром общей теории виктимологии.

Указанный недостаток легко снимается при попытке определения криминальной виктимности через социально-отклоняющуюся активность субъекта [10], через совокупность отклонений от безопасного поведения, от безопасного образа, стиля жизни, ведущую к повышенной уязвимости, доступности, привлекательности такого субъекта для правонару-

питателя. Безопасность как состояние либо качество защищенности от реальных либо потенциальных угроз, страха, неуверенности, депривации и иных лишений [11] играет важную роль в современной концепции миропонимания. Гарантии безопасности - естественная потребность каждого человека, да и общества в целом.

Нет нужды останавливаться подробно на описании современной концепции безопасности, отметим только, что применение соционормативного подхода к определению виктимности приводит к тому, что в нем фиксируются не какие-то случайные, поверхностные черты виктимного поведения, а черты существенные, закономерные; черты, особенно характерные для поведения членов той или иной социальной общности. Определяя виктимность как проявление девиантной активности нельзя, на наш взгляд, обойтись и без характеристики субъективной стороны процесса нарушения социальной нормы, т.к. именно интериоризация виктимогенных норм и ценностей, объявление "нарушения права своим правом" (Гегель), самостигматизация себя как потенциальной жертвы, во многом определяют дальнейшую социальную оценку и потенциал виктимности самой организованной материи. "Жертва несет свою долю вины за то, что с ней произошло, происходит или произойдет". - писал П.С.Таранов [12].

Примером чрезмерной интериоризации виктимогенных норм и ценностей может служить поведение групп "искателей приключений". "Необходимость природного насилия предусмотрена нашей генетической программой - писал В .Леви - и мы испытываем в нем потребность, хотя и не осознаем ее. Нам нужны напряжение и борьба" [13]. Сегодня, когда блага цивилизации сводят на нет возможность самореализации в агрессивных охотничьих, военных действиях, некоторые категории населения находят возможность для себя выработки дополнительного адреналина и получения катарсиса в различных по степени индивидуальной опасности девиациях. Психологически это чувство прекрасно описал А.С.Пушкин:

"...Есть упоение в бою, И бездны мрачной на краю, И в разъяренном океане, Средь грозных волн и бурной тьмы, И в аравийском урагане, И в дуновении Чумы. Все, все, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Незыблемы наслажденья -Бессмертья, может быть, залог, И счастлив тот, кто средь волненья Их обретать и ведать мог..." [14].

При всей кажущейся социальной нейтральности подобных действий и стили жизни ("пусть их бесят"), он не только обладает повышенным деликтогенным потенциалом, но и, возможно, способствует снижению порога защитных сил человеческого организма. Виктимность не как социальное, но и как природно-психическое явление, по-видимому, наделена определенной энергетикой тонких полей, изучение которых, - дело рук будущего. Можно только предположить, что у каждого человека существует установленный Природой (Творцом) уровень защитных сил, бездумная растрата которого может повлечь необратимые последствия. Тонкий психолог и великолепный писатель Андрей Битов очень зорко подметил эту закономерность истощения "защитных полей" у искателей приключений:

“Вообще смерть людей, рискующих жизнью, столь часто нелепа и случайна, что это не может не навести на мысль. Именно они, избегающие смерти профессионально благодаря мастерству и таланту (чувству жизни), подвержены нелепым заболеваниям и кирпичам с балконов. То ли потому, что естественно человеку, только что рисковавшему жизнью, расслабиться, когда ему ничто уже ни грозит, то ли потому, что они истратили уже много раз всю безопасность, которая отпущена господом на одну жизнь, но они в большинстве своем все-таки гибнут, а не умирают, причем гибнут всегда не от того.

Евгений Абалаков, человек, первым взошедший на пик Победы, тонет в Москве в собственной ванне. Джон Гленн врезается в гуся. Гагарин гибнет в легком учебном полете. Гонщики попадают на улице под машины. Они тонут и гибнут на обыденных тренировках и в отпусках, на собственных машинах и от таинственных гриппозных осложнений.

Они гибнут от пропущенной ими гибели, от гибели, которую они избегали” [15].

Укажем сразу же: виктимогенность подобного обыденного риска отнюдь не связана с героизмом, с подвигом. Подвиг, жертвенность во имя людей - это высшая степень воплощения самоорганизации, всей концепции нормативного безопасного поведения. “Человек, который ни секунды не раздумывая бросается спасти утопающего, на первый взгляд не отдаст себе отчета в своих действиях. Однако дело обстоит наоборот. Человек поступает так именно вследствие высокоразвитого уровня самоконтроля, самосознания. Всем ходом предшествующей жизни и воспитания у него был выработан такой образ мыслей и стиль поведения, который исключает размышления, когда человек попадает в беду. Единственно приемлемой для него формой реакции является оказание помощи, причем это становится настолько привычным, что превращается в психический навык, реализующийся в дальнейшем автоматически, бессознательно.” - писал об особенностях самоуправляемого сознательного нормативного поведения Л.П.Гримах [16].

Приведем еще одну цитату:

“Поступок - форма воплощения человека. Он неприхотлив на вид и исключительно труден в исполнении. Подвиг требует условий, подразумевает награду. Восхищение, признание, хотя бы даже посмертные, для него обязательны. Поступок существует вне этого. И подвиг я могу понять лишь как частный вид поступка, способный служить всеобщим примером,” — отмечал А.Битов [17].

В приведенных высказываниях отчетливо прослеживается свойство изменчивости девиаций, их новаторская прогрессивная функция. Вместе с тем, на практике мы чаще встречаемся с негативно оцениваемыми отклонениями поведения жертвы от норм и правил безопасности, зачастую закономерно служащими катализатором преступной активности.

Гений и злодейство, преступность и виктимность, - две стороны одной медали, теснейшим образом связанные и переплетенные друг с другом. Очень часто жертву “связывают с преступником прочные невидимые нити, причем, как ни странно, и тогда, когда они едва знакомы. Неразрыв-

ность пары “убийца-убитый” тоже имеет свои причины, совершенно неочевидные. По большей части жертвы ни в чем не виноваты, если вообще позволительно говорить о какой-либо вине убитого человека. Тем более любопытны и даже загадочны случаи, когда потерпевший как замороженный стремится к собственной гибели, хотя и не отдает себе в этом отчета,” — писал Ю.М. Антонян в своей монографии “Психология убийства” [18]. Указанное замечание известного криминолога, кропотливого и тонкого исследователя причин человеческой агрессии лишний раз подчеркивает важность исследования проблемы гомеостаза отклоняющегося поведения в его преступных и виктимных проявлениях. Поэт, драматург Юрий Арабов в своей книге “Механика судеб и механика замысла”, анализируя закономерности развития человеческого поведения на основании изучения биографий исторических личностей, прозорливо указывает по этому поводу: “Последовательное движение по пути зла награждает человека потерей воздаяния. Это очень страшно. Но как только у человека, вступившего на эту стезю, возникают какие-то пробоины человечности, — все, наказание настигает тут же” [19].

Таким образом, представляется возможным определить виктимность как отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности), психических (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры) явлений, детерминированных антагонизмом между уровнями признания (социальный аспект), возможностей (психический аспект) и притязаний (моральный аспект). При этом виктимность определяется соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу, организацию) на удовлетворение потребностей безопасного поведения с заданными обществом возможностями их удовлетворения, равно как и иными общими политическими, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности общества,

Упор на поведенческую характеристику виктимности уже встречался в отечественной криминологии. Так, Г. В. Антонов-Романовский и А. А. Лютов еще в начале 80-х годов предприняли попытку определить виктимность поведения через описание социальной ситуации, в которой лицо своими действиями подвергает себя опасности стать жертвой преступления. “Причем виктимными являются только те действия, которые отличаются от обычного поведения большинства жертв преступлений в сходных ситуациях. Эта необычность действия повышает вероятность совершения преступления именно в отношении лиц, допускающих виктимные поступки” [20].

С нашей точки зрения, подобный, социологический, нормативистский подход к описанию виктимности заслуживает одобрения. Вместе с тем избрание классификационного основания “обычное-необычное” не может не вызвать возражений в силу нечеткости определения “необычность” и

конвенциональности нормативной структуры в различных социальных группах.

Однако именно комплексное, системное определение феномена криминальной виктимности как социального, психического и морального отклонения от норм и правил безопасного поведения, обуславливающего потенциальную или реальную способность субъекта становиться жертвой преступления, снимает отраженную многими авторами противоречивость любой односторонней концепции виктимности: от описания поведенческой, биопсихической предрасположенности к формированию виктимного потенциала, до ее полного отсутствия. Прав, по нашему мнению, Д.В.Ривман, указывавший: "Лицо может обладать определенным сочетанием социальных и психологических качеств, которые в известной мере, могут предопределить негативное (в иных случаях позитивное) и в то же время опасное для него поведение, т.е. приблизить его к роли потерпевшего, поставить в положение элемента ситуации, толчковым или иным образом содействующего совершению преступления " [21].

Предлагаемый подход к анализу виктимности через существующую ценностно-нормативную структуру общества, позволяет определить как статические отклонения, приводящие к фатальной предрасположенности становиться жертвой преступления, так и динамические характеристики девиаций, описывающие вариативность виктимности населения в конкретно-исторических условиях.

Представляется, что по степени связи с преступным поведением виктимность может проявляться в двух основных формах: а) эвентуальная (от латинского "эвентус" - случай) виктимность; б) децидивная (от латинского "децидо" - решение) виктимность. Предлагаемая классификация форм виктимности основана на известном положении о том, что социальная активность (в том числе отклонения от безопасных форм поведения) может "побуждаться разными обстоятельствами. Она может быть причинно-обусловленной, т.е. вытекающей из сложившихся условий, которые являются непосредственно причинно-порождающими для данной деятельности. Она может расцениваться как причинно-сообразная, т.е. сообразующаяся с кругом породивших ее условий-причин, но уже не прямо и непосредственно вытекающая из них. Она может быть целесообразной, т.е. в качестве главной ее характеристики, согласованной с заранее поставленными целями. Наконец, она может быть целеобусловленной, т.е. по преимуществу определяемой, производной от цели. Понятно, что в первых двух случаях (причиннообусловленности и причинносообразности) источник деятельности локализуется в прошлом, в уже сложившейся ситуации; в двух остальных случаях (целесообразности и целеобусловленности) - в будущем, в том, что предстоит" [22].

Эвентуальная виктимность (виктимность в потенции), означающая возможность при случае, при известных обстоятельствах, при определенной ситуации стать жертвой преступления, и включает в себя причинно обусловленные и причинно сообразные девиации. Естественно, что характеристики эвентуальной виктимности в основном определяются частотой виктимизации определенных слоев и групп населения и закономер-

ностями, присущими такой виктимизации. Например, Г.И.Чечель, пытаясь представить всеобъемлющую классификацию жертв преступлений в зависимости от деятельностного критерия - степени выраженности антиобщественного поведения потерпевших, на самом деле определил закономерности распределения виктимизации потерпевших [23]. Согласно данным вышеуказанного исследования, невиновная (идеальная) социально-активная жертва была выявлена в 8.7 % изученных случаев, невиновная (пассивная) жертва, — в 10,9 %; жертва с неодобряемым поведением, — в 4.3 %, жертва с неосмотрительным поведением — в 12 %; жертва с аморальным поведением, — в 15.2 % случаев; жертва с провоцирующим поведением, — в 17,4 % случаев; жертва с преступным поведением, — в 31,5 % случаев изученных преступлений, связанных с причинением тяжких последствий личности [24].

Децидивная виктимность (виктимность в действии), охватывающая стадии подготовки и принятия виктимогенного решения, да и саму виктимную активность, соответственно, включает в себя целесообразные и целесообразные девиации, служащие катализатором преступления [25]. Так, по мнению психологов, люди, сознательно или бессознательно избирающие социальную роль жертвы (установка на беспомощность, нежелание изменять собственное положение без вмешательства извне, низкая самооценка, запуганность, повышенная готовность к научению виктимному поведению, усвоению виктимных стереотипов со стороны общества и общины), постоянно вовлекаются в различные криминогенные кризисные ситуации с подсознательной целью получить как можно больше сочувствия, поддержки со стороны, оправданности ролевой позиции жертвы [26].

Очевидно, что вызываемые виктимным поведением кризисные ситуации порождены отнюдь не самой преступностью, а гомеостатическим взаимодействием преступности, виктимности и иных социальных факторов и процессов в конкретно-исторических условиях. При этом альтернативность интересов данных социальных процессов в их взаимодействии нередко иллюзорна и исходит скорее из существующих представлений об антагонистическом конфликте между преступниками, жертвами и обществом, чем от реальной ситуации. Дальнейшая проработка данного вопроса в указанном направлении позволит более четко и ясно определить движущие силы различных видов виктимности, содействуя тем самым повышению эффективности профилактики преступлений.

Литература:

1. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. — С.112.
2. Курс советской криминологии. Т.1. — М., 1985. — С.177.
3. См.: Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. — Л., 1975. — С.14.
4. Sartori J. The method: guidelines for concept analysis // Social science concepts — Beverly Hills etc., 1984 — p.9—88.
5. См.: Франк Л.В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. — С.20, 29.

6. См.: Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. — Горький, 1979. — С.34—36.
7. Коновалов В.П. Витимность и ее профилактика // Витимологические проблемы борьбы с преступностью. — Иркутск, 1992. — С.25—25.
8. Курс советской криминологии. — Т.1. — С.179.
- 9 Галина В.В. Специально—криминологическое предупреждение преступлений (теория и практика) — Дисс...д—ра юр.наук. — Харьков, 1994 — С. 87.
10. Активность — это всеобщее атрибутивное свойство материи, выражающее собой ее способность к взаимодействию и самодвижению — Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). — Томск., Изд—во Томского госуниверситета, 1985. —С.11.
11. См.: Webster's new collegiate dictionary/ — Merriam Webster, G. & C. Merriam company, Springfield, Mass., 1980. — P.1037.
12. Таранов П.С. Методы 100 %-ной победы. — Симферополь: Реноме, 1997.— С.86.
13. Леви В. Везет же людям...(Психология здоровья). — М.: Физкультура и спорт., 1988 — С.26.
14. Пушкин А.С. Пир во время чумы // Полн. собр. соч. — М.: Наука, 1964. — Т.5. — С.419.
15. Битов А. Книга путешествий. — М.:Известия, 1986. — С.177—178.
16. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. Введение в психологию активности. Политиздат, 1987. — С.267.
17. Битов А. Книга путешествий. — М.:Известия, 1986. — С.116.
18. Антонян Ю.М. Психология убийства. — М.: Юрист,1997 — С.5—6.
19. Арабов Ю. Механика судеб и механика замысла — М.,1996. — С.20.
20. Антонов—Романовский Г.В., Лютов А.А. Витимность и нравственность // Вопр. борьбы с преступностью. — М.,1980. — Вып.33. — С.40.
21. Ривман Д.В. К вопросу о социально—психологической типологии потерпевших от преступления // Витимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч.тр. —Иркутск, 1981. — С.6.
22. Братусь Б.С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — С.31.
23. Проблема в том, что одно лишь поведение в процессе совершения преступления не может служить классификационным критерием определения типов жертв преступлений. Личность человека, — сложное образование, не сводимое исключительно к единовременным проявлениям социальной активности. В основе подобных классификаций должна лежать деятельность личности.
24. См.: Чечель Г.И. Жестокый способ совершения преступлений против личности. —Ставрополь, 1995. — С.129—139.
25. См.: Бестужев—Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. — М.: Наука, 1987. — С.11.
26. См.: Малашок С. Хватит быть неудачником — станьте победителем // Ведомости Daily —23 ноября 1996 года — № 216 — С.4.